

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ МИФОЛОГИЗМА И ФОЛЬКЛОРИЗМА КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП ХАРАКТЕРООБРАЗОВАНИЯ В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В 40-50-Х ГГ. XX В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Фидарова Рима Японовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-0996-3896>; rifaqidarova@mail.ru

Статья посвящена исследованию такого принципа характерообразования, как художественный синтез мифологизма и фольклоризма – важнейших структурно-содержательных направлений в литературно-фольклорном взаимодействии в осетинской литературе 40-50-х гг. XX в. Суть данного принципа проанализируем на примере романа Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» (1948). Автор при создании художественного характера комплексно использует «энергию» мифологизма и фольклоризма, добиваясь полного раскрытия сути национального в характерах своих героев. Художественная концепция Е. Уруймаговой строится на том, что основу фольклоризма составляет народная мудрость, тогда как сущность мифологизма заключается в «коллективном бессознательном» (К. Юнг), которое и формирует народную мудрость, этот бесценный духовно-нравственный опыт осетин и их далеких предков. Связанные логикой причинно-следственной зависимости мифологизм и фольклоризм «смыкаются» в структуре художественного характера в романе Е. Уруймаговой «Навстречу жизни». Итак, происходит это комплексное системное «срастание» через народную мудрость и ее суть – коллективное бессознательное. Автор реализует свою концепцию через архетипы, т.е. архетипические образы, идеи, идеалы и модели поведения героев. Большую роль в становлении этнического идеала – антиидеала осетин в романе, наравне с мифологизмом, сыграл и фольклоризм, тоже ярко проявивший свои художественно-эстетические функции в процессе характерообразования. Так, во-первых, привлек «энергию» и мощь народной мудрости и сформированные ею, «отшлифованные» веками социально-философские и нравственно-эстетические идеалы осетин и их далеких предков. В общем же суть принципа художественного синтеза мифологизма и фольклоризма автор определяет как базовый в процессе характерообразования. Статья написана на актуальную в осетинском литературоведении тему. Дело в том, что на современном уровне развития научной мысли необходимо более глубокое изучение проблем художественного характера. Очевидна и научная новизна исследования. Впервые в осетинском литературоведении так глубоко раскрывается роль литературно-фольклорного взаимодействия в процессе характерообразования. Целью изучения в статье является исследование сути означенного принципа и новаторства Е. Уруймаговой в процессе характерообразования. Резуль-

таты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении проблем характера и, конечно же, творчества Е. Уруймаговой.

Ключевые слова: осетинская литература, литературно-фольклорное взаимодействие, мифологизм, фольклоризм, архетипы, характеры, герой.

Для цитирования: Фидарова Р.Я. Художественный синтез мифологизма и фольклоризма как базовый принцип характерообразования в осетинской литературе в 40-50-х гг. XX в. Теоретический аспект // KAVKAZ-FORUM. 2026. Вып. 25 (32). С. 83-94. DOI: 10.46698/VNC.2026.32.25.002

Введение

Е. Уруймагова, используя художественный синтез мифологизма и фольклоризма в процессе характерообразования, значительно обогатила эстетику характера в осетинской литературе. Более того, писательница превратила его в базовый принцип характерообразования.

Суть данного принципа заключается в умелом комплексном сочетании мифологизма и фольклоризма, синтеза «энергии» этих двух структурно-содержательных направлений литературно-фольклорного взаимодействия, при котором оба они дополняют и концептуализируют друг друга, усиливая и обогащая эстетику художественного характера в произведении. При этом Е. Уруймагова, благодаря данному принципу, представила образ как продуктивную мыслеформу при исследовании сути национального в человеке. И это очень важно, ведь «...человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек...» [1, 95].

Рассмотрим вкратце суть и специфику данного принципа, ставшего мощным художественным механизмом формирования различных типов национального характера в романе «Навстречу жизни». Проанализируем сначала, что конкретно из мифологизма писательница использует в романе, применяя философский, фундаментальный подход к духовному опыту народа, т.е. к народной мудрости, основу которой составляет «коллективное бессознательное» (К. Юнг).

Оно в обобщенной форме хранит бесценный опыт всех живших на земле поколений предков, передающих его следующим поколениям. Е. Уруймагова исходит из того, что своеобразная память о прошлом, т.е. коллективное бессознательное, живет в каждом человеке, наравне с его индивидуальным сознанием и личным бессознательным, т.е. личными воспоминаниями из своей частной жизни.

Для анализа писательница использует архетипы, т.е. универсальные, врожденные образы, идеи и модели поведения. И это закономерно, ведь «...литература на всем протяжении своей истории соотносится с мифологическим наследием первобытности и древности...» [2, 64].

К фольклоризму Е. Уруймагова также проявляет концептуально-творческий подход, активно привлекая фольклорные жанры – сказки, легенды, пословицы и поговорки. То есть применяет фольклоризм в структуре художественных характеров как своеобразный «строительный материал», а его «энергию» – как действенный механизм в процессе исследования национальной сути характеров своих героев. Активно применяет она и фольклорную тематику. Скажем, романист концептуализирует распространённую в фольклорном сознании тему абречества.

Основная часть

Итак, новаторство Е. Уруймаговой проявилось в умелом комплексном использовании художественного синтеза мифологизма и фольклоризма при исследовании сути национального в характерах своих героев.

В результате в романе формируются сложные по своей структуре художественные характеры, – двухвекторные. В них «строительным материалом» служат архетипы, в которых проявляется мифологизм, и фольклоризм, выражающийся в таких фольклорных жанрах, как сказки, легенды, пословицы и поговорки, молитвословия, проклятия, добропожелания, описания атрибутов этнического бытия осетин и их предков, скажем, ныхаса, обрядов и обычаев, древние формы принесения клятвы, обряд похорон покойников, примеры народного красноречия и т.д. Эта сложная структура художественных характеров в романе даёт возможность Е. Уруймаговой раскрыть в полной мере суть национального в человеке.

В целом художественный синтез писательница рассматривает как объективно обусловленную, глубинную, органичную связь мифологизма и фольклоризма, опосредованную архетипами, т.е. базовыми образами, которые отражают сущность, специфику этнического бытия и сознания осетин и их предков в столь сложную историческую эпоху, – в конце XIX начале XX в., т.е. при активном становлении капиталистических отношений в Осетии. Писательнице важно было показать, как при этом качественно меняется национальная «самость» осетин, все более четко осознающих свой статус субъектов исторического творчества. Важно было использовать «энергию» мифологизма и фольклоризма в процессе формирования концепции национального характера. Важно отразить общие, закономерные, присущие еще нашим далеким предкам черты характера, сформированные обобщенным опытом многих и многих прошлых поколений.

В духовном опыте народа ничто не пропадает и не исчезает в никуда: все значительное умножает и обогащает его духовно-нравственный арсенал, который в романе выражается именно через архетипы старца-мудреца. И в этом проявляются художественно-эстетические функции национальных характеров в романе «Навстречу жизни». Важнейшие жизнен-

ные мудрости, ценности, идеи, идеалы, накопленные осетинами за всю их долгую и полную драматизма историю, писательница вкладывает в уста стариков и старух.

«Временным я у тебя числюсь здесь, на земле, а перед богом и ты не постоянный», – сказал один старик старшине Дрису на сходе «временно-проживающих». И с негодованием добавил: «Женщину зачем убили?» [3, 220]. С его точки зрения, отражающий народные представления о чести и благородстве, убить женщину – глубочайшее преступление, дикий позор, который не смыть даже кровью.

Жизненный опыт научил стариков и старух мудрости, терпению и прозорливости. «Седовласая старуха, угрюмо-спокойная, смотрела на народ, а на вопрос Разиат: «Что это такое? – ответила: «Смерть. «Выселят... Обязательно выселят, – скрипучим голосом произнесла старуха и решительно направилась к толпе, собравшейся у помещицкого дома» [3, 9].

Многие старики и старухи в романе не названы даже по имени, ведь для писательницы прежде всего важны мысли, чувства, переживания, которые они выражают, а не их личности.

В концепции национального характера в романе писательница четко выделяет архетип «самость». Это – центр характера, вокруг которого органично выстраиваются все остальные его черты. Е. Уруймагова весьма гармонично объединяет сознательное начало и бессознательное в человеке, при этом не только личное бессознательное, т.е. индивидуальный опыт героя, его чувства, переживания, мысли, но и «коллективное бессознательное» этноса-народа, ярко отражающееся как в человеческих сердцах, так и в характерах, в судьбах героев.

Е. Уруймагова акцентирует свое внимание на свободе воли человека, ведь человек, по представлениям писательницы, волен выбирать в жизни добро или зло. И от его выбора зависит дальнейшая эволюция его характера, его частной судьбы.

В процессе создания характера одного из главных героев, Сафа Абаева, архетипы «тьень», «персона», «старик-мудрец», «отец», «глава семьи» и другие дают полнейшую реализацию «самости» национального характера на определенном изломе социальной истории осетин; раскрывают глубинные паттерны в осетине как человеке этническом. Искажают традиционный образ осетина, «уводя», уклоняя его от идеала человека, созданного народным сознанием и прочно «прописанного» в коллективном бессознательном этноса-народа-нации.

Е. Уруймагова, рассматривая сложный характер исторически и морально обреченного человека, Сафа Абаева, размышляет, что способствовало его формированию, что могло испортить столь богатую, одаренную

многими ценными человеческими качествами личность. И находит ответ: конечно же, тяжелые жизненные обстоятельства.

Сложные чувства владели душой этого злого и коварного человека. Худородный мужик, силой своих богатств втиснутый в ряды знатных, он чувствовал, с каким пренебрежением они, благородные, относятся к нему. Он не прощал им в душе знатности, презирал их спесивое благородство, говоря: «Придет время – пойдет ко мне в табунщики княжеский род Тулатовых и Шанаевых». «Князья же при каждом удобном случае не забывали напомнить ему о его “черной кости” и своей “голубой крови”. Сафа мстил им за это, особенно тем из них, у кого ничего не осталось, кроме сословного титула. Их векселя лежали в кованных сундуках Сафа. И это была та колдовская сила его власти, которая мирила “голубую кровь” знати с “черной костью” Сафа» [4, 62]. Главная черта характера неугомонного Сафа – активность. «А что душа у тебя в вечных тревогах и по сей день мечется, – это хорошо. – Говорит он старшине Дрису. – Если у человека душа гореть перестанет, волнений не будет, тревоги уймутся, то что у него за жизнь? Это чурбан, а не человек» [4, 26].

А вот восприятие любви у него и у старшего пастуха Инала разное. Волею судьбы они тридцать лет любили одну и ту же женщину, – Саниат. При этом Сафа был ее любовником, а о любви Инала она даже не подозревала. Инал единственным своим богатством в жизни считал безграничную и безответную любовь к ней, и благодарит судьбу, что она подарила ему эту любовь. Сафа же полагает, что любовь женщины не должна мешать его делам. На эти слова Сафа Инал отвечает: «Саниат, царствие ей небесное, была слаба, как всякая женщина. Колдовская ваша сила сделала ее жаднее и хуже, чем она могла бы быть. Но, несмотря на это, я любил ее и продолжаю любить за гробом. Я прослужил у нее честно три десятка лет. Я оберегал ее добро пуще собственного глаза. Это было моей благодарностью ей за то, что я познал любовь, хотя и неразделенную... Не всегда господь дарует человеку такую радость, которая помогает ему жить...» [4, 152-53].

Сафа своими безнравственными деяниями разрушил не только себя, свою душу, но и душу своей любимой женщины. Так, много искажений он внес в человеческую природу, изначально созданную для красоты, истины и добра, как важнейших жизненных ценностей.

Сафа – сильный духом, мужественный человек.

«Горе? – протянул Сафа. – А кто без горя живет? Горе и радость – день и ночь. Они сменяют друг друга... А настоящего человека ни горе, ни радость не валят с ног» [4, 18].

При этом Сафа никогда никого в жизни не жалел.

«Дурак, людей на земле каждый день помирает больше, чем мух. Распустил слюни...», – ругает Сафа сына Гамази, тяжело перенесшего убийство уборщицы и ее сына, преступление, на которое толкнул его отец [4, 141].

Сын «...потрясенный смотрел на отца. Старик за этот час беседы предстал перед ним то горестно-тоскующим, то злобно-решительным, то задумчиво-нежным, то заботливо-строгим» [4, 142]. Сафа же в конце беседы только подобострастно произнес молитву: «В твоей власти, господи, находится ничтожная душа человека. Ты вершишь его судьбу добром и злом, им совершаемым. Так будь же милосерден, боже, к слабым детям твоим [4, 142].

Незаурядная личность Сафа вызывает восхищение и зависть у одних, трепет и страх у других.

«Я рад за него, князьям в благородстве не уступит, не говоря уже о его уме, – сказал городской голова Баев и подошел к Сафа. – Рад видеть тебя, дорогой Сафа, таким просвещенным, искренне рад. Пора, пора нам, осетинам, выходить на широкую общеевропейскую арену», – говорил городской голова Гаппо Баев [4, 62]. Сын Владимир замечает, что у него можно поучиться многому, «хотя б его непреклонной воле в достижении поставленной им цели» [4, 59]. А знахарка Сали, которую все считали колдуньей, сказала о нем: «Колдун он, давно продал душу Сатане» [4, 164]. Священник же Цораев заметил, что Сафа «...сам знаменитей всех бандитов... Ни одному бандиту такой налет не удастся, как ему...» [4, 192].

В представлении Сафа жить, – значит находиться в среде богатейших людей общества, потому что самая большая жизненная ценность для него – богатство. И ради приобретения еще большего богатства он живет, – это, собственно, цель и смысл его жизни.

«Прокормиться? – усмехнулся Сафа. – Прокормиться – это не значит жить. Нищий тоже кормится, – уже раздраженно заметил он» [4, 49].

Обычно стремившийся показать себя ярким поборником осетинских традиций и обычаев герой позволял себе иногда и не считаться с ними. Так, на вечеринке у князя Макаева он продемонстрировал свою приверженность к «новой» культуре.

«Сейчас Сафа со злорадным чувством человека, обладавшего силой и властью, сделать то, что не посмеют сделать другие, подошел через весь зал к Залине. И, взяв ее за руку, повел к Владимиру, нарушив осетинские традиции» [4, 62-63].

Сафа заявляет: «Я хочу видеть вокруг себя только счастье, но не нищету и обездоленность» [4, 64]. Здесь архетип «тень», выполняющий важные художественно-эстетические функции в романе, выражает те черты ха-

рактера Сафа, которые тот старался скрыть от окружающих, т.к. эти черты раскрывают его истинную сущность. Сафа всячески скрывает свою алчность, гипертрофированную жадность. Так, стремясь прикрыть свое желание узнать, где же и у кого хранится подлинное завещание Саниат Гуларовой, он заводит наводящий разговор «по душам» со старшиной Дрисом и выясняет, благодаря превосходству своего ума и хитрости, что завещание Саниат, составленное в пользу ее невестки Хадизат, находится у Дриса, который не знает, как ему поступить с этим завещанием. Сафа «обыграл» неумного и простодушного Дриса, который вынужден был добровольно выдать завещание Саниат коварному Сафа и тем самым окончательно погубил Хадизат, которую и обвинили в убийстве Саниат.

В целом роль мифологизма в «лепке» характера Сафа большая. Так, структуру его характера составляют архетипы: старика-мудреца, члена этнического сообщества, члена своего класса, главы семьи, отца, мужа, любовника, соседа и т.д.

Однако ни в одном из статусов, определяемых данными архетипами, Сафа не состоялся в положительном ракурсе. Писательница его образом показала этнический нравственно-этический антиидеал.

Будучи умным, прозорливо-интуитивным, Сафа пытался использовать всех и вся в жизни на благо себе, на увеличение своих богатств. Как глава семьи, он тоже не соответствует нравственно-этическим требованиям этнического идеала. «Отчего в моем доме, при таком большом богатстве, все несчастные?» – Сокрушалась его жена Кошер. Себя же в семье она ощущала как «...сундук, куда каждый бросает вещь, которая ему не нужна. Мать – значит забота», – вздыхает она [4, 20].

Жена богатейшего человека в Осетии Сафа Абаева, мать большого семейства, Кошер в душе была совершенно одинока. Недалекая, необразованная, не понимала, что происходит вокруг. Не понимала она и членов своей семьи, – ни мужа, ни детей.

Как отец, Сафа был также далек от идеала родителя-воспитателя, сформированного у осетин и их предков еще с древнейших времен. Старший сын Гамази, коммерсант, стремился повторить жизненный путь отца, богатеть, но при этом был лишен отцовского характера, воли, ума и других способностей. Второй сын Георгий, в характере которого проявился в полной мере архетип «героя», был также достойным сыном своего отца. Показателен один эпизод из его жизни. Когда поезд князя Воронцова, к которому еще вначале войны отец пристроил его адъютантом, избавив его от отправки на фронт, остановился на станции в Ростове, Георгий начал стрелять в толпу, провоцируя ответную реакцию растерянных, но вооруженных людей, которые в ответ, конечно же, были вынуждены стрелять.

Георгий героически бросился «защищать» князя, прикрыв его своим телом. И случайной пулей был ранен в голову, потерял глаз... Архетип героя утверждает готовность человека совершать героические поступки во славу своего отечества, решать сложные проблемы, стоящие перед народом, страной, государством, при этом не щадя своей жизни, быть всегда готовым к самопожертвованию во имя высокой цели. Здесь же писательница показывает истинную сущность «героя» капитана Георгия, карьериста и эгоиста, истинного сына своего отца. О скончавшейся же матери он спокойно, без сожаления говорил брату Владимиру: «Умер человек, надо тотчас же забыть его, чтоб оставшийся на земле жил без страданий. Отец мне всегда был дороже всех, потому что он умен. Я люблю его не как отца, а как умного человека» [4, 341].

Третий сын, доктор Владимир, «мягкотельный интеллигент» который в юности, учась в московском университете, нахватался передовых идей столичного студенчества. Однако слабохарактерный, беспринципный Владимир после поражения революции 1905 г. растерял все свои юношеские идеалы и мечты.

«Все, во что я верил, чему молился, заковано в кандалы. Мои мечты бродят по каторжным дорогам. Жить для народа сейчас нельзя», – говорит Владимир Залине [4, 55]. «Все было иллюзией, мираж», – добавил он мрачно [4, 56]. А на вопрос Залины, как же и для чего теперь жить, ответил: «Для чего жить?.. Жить, как живут тысячи нам подобных. Построим больницу в городе, и будет... счастье» [4, 56].

Четвертый сын, кадет Николай, следовал по стопам капитана Георгия, мечтая сделать значительную военную карьеру.

Словом, дети Сафа приходят «к моральному упадку: характеры их измельчали, воля поослабла, чувства поостыли. И жизненные цели у них ничтожны» [5, 102].

Итак, Сафа Абаев, несмотря на большие природные задатки, заложенные природой в нем, не состоялся ни в каком жизненно важном для народного нравственно-этического идеала статусе, ни как старик-мудрец, ни как представитель своего народа, ни как отец, ни как глава семьи, ни как муж, ни как любовник, без чувства сожаления убивший свою бывшую любовницу Саниат Гуларову.

Писательница вплотную соотносит эстетические возможности мифологизма и фольклоризма, их творческий потенциал. Так, создавая образ Сафа Абаева, Е. Уруймагова использует «энергию» мифологизма через архетипы «социальной маски» или «персоны» и «тени». Сафа постоянно меняет маску в зависимости от ситуации, стремясь «презентовать» свою личность миру в выгодном для себя свете. При этом успешно старается

скрыть все темное и низменное в себе, все то, что не приемлет общественное сознание осетин, Ирондзинад, как их этническое мировоззрение, нравственно-этический кодекс жизни, т.е. Агъдау, Адат.

В целом характеры в романе формируют мифологизм и фольклоризм комплексно. Скажем, образ деда Марза «соткан» из энергии мифологизма и фольклоризма и вполне отражает философско-психологический и нравственно-этический идеал осетин и их предков. В основе его характера заложен архетип старца-мудреца: он несет в себе частицу народной мудрости, утверждая своей частной жизнью вечные ценности добра, красоты и благородства. В то же время образ его буквально «пропитан» «энергией» фольклоризма.

Дед Марза постоянно рассказывает разные истории, сказки, легенды, особенно символичной оказалась притча его о пропащем третьем поле. Жил-был человек и решил он весной распахать свои мизерные три участка. Устал. Расстелил свою старую бурку, прилег отдохнуть и заснул. Проснувшись, смотрит, а третье его поле исчезло: Нет его! Что делать, решил идти домой, поднял свою рваную бурку, а под ней нашел свое третье поле. Чудеса! Обрадовался бедняк и задумался, почему такие куцые у него поля и что на них ему удастся посеять.

И подобных историй, отражающих суть реальной жизни осетин, у деда много. Через эти поэтические истории, сказки, легенды, используя афористические жанры, транслирует он духовно-нравственные ценности прошлых поколений, передает знания и мудрость предков, реализуя важнейшие философско-этические постулаты народной мудрости. И в этом заключаются его функции как старца-мудреца. Удивительно гармонично «вписан» дед в реалии своего нелегкого бытия: он – чудесный воспитатель, не просто мудрец, носитель философско-нравственных идеалов своего рода, поколения, общества, народа.

Он – чувствующий ответственность за будущее своей семьи, глава семейства. Функции главы семейства дед Марза выполняет мудро, приобщая своих детей и внуков к народной мудрости, к вечным духовно-нравственным ценностям народа прошлых поколений. И делает он это своеобразно, используя богатейший осетинский фольклор. Так, длинными ночами «любил Марза... сидеть на теплых камнях очага, собрав вокруг костра всю семью и будоража им души своими сказками. Он был мастер их рассказывать. Старик повествовал о могучих богатырях, сильных духом, пронесших сквозь огонь и воду любовь к обездоленным людям. Герои сказок Марза были снисходительны к старости, жалостливы к больным, доброжелательны к юности. Они были мудры и щедры...» [4, 120]. Марза смел и отважен. Так он говорит старшине: «Да постигнет тебя, веролом-

ный человек, моя участь, участь моей семьи... Постеснялся бы горя моего, скорби моей бы поклонился. Бога ты не боишься и людей не стыдишься, – выступив вперед и подойдя к старшине, тихим голосом проговорил старик Марза» [4, 119].

Дело в том, что внучку Марза, Хадизат, которую обвинили в убийстве Саниат Гуларовой, и ее отца арестовали. В тюрьме скончался отец ее, сын старого Марза. Внучку же отправили на каторгу в Сибирь за преступление, которое она не совершала. И, поскольку старшина продолжал нападать на старика и угрожать ему, вопреки всем нормам и правилам осетинского Агъдауа, то Марза ему смело ответил: «Не угрожай, старшина... Не угрожай, я жить устал. Я много жил, много видел и многое помню... Помню весь твой род: отец твой вышиб мне глаз, загубил мою старшую внучку Фаризат. Твои начальники взяли мою вторую внучку и сына. Убей и меня! Освободи от снов. Убийца ты. И начальники твои убийцы!» [4, 119].

Плоды воспитания его, как главы семьи, ярче всего проявились в характере его внучки Хадизат. Нежная, хрупкая, светлая и чистая, выросла она в горном ауле рядом с дедом Марза, в атмосфере любви и уважения, с детства впитала в себя бесконечные сказки, легенды, притчи деда, в которых воспевались народные духовно-нравственные идеалы. Настолько сильным оказалось влияние сказочного поэтического мира деда Марза, что даже коварной Саниат не удалось сломать ее характер.

Так, в образе деда Марза автор раскрывает архетип старца, воплотившего в себе, – с помощью средств и «энергии» фольклоризма, – народную мудрость и продиктованную ею модель поведения, ответственного отношения к миру, к жизни, к людям.

Заключение

Итак, новаторство Е. Уруймаговой проявляется в том, что она формирует новый в осетинской литературе принцип организации художественного характера – художественный синтез мифологизма и фольклоризма как структурно-содержательных направлений литературно-фольклорного взаимодействия в осетинской литературе в 20-50-е гг. XX в.

Писательница применяет в процессе характерообразования прием антитезы, противопоставляя два типа сильных характеров, воплотивших этнонациональный идеал и антиидеал, – деда Марза, Темура Савкуева, пастуха Инала, Залины, учителя Уртаева, с одной стороны, и Сафа Абаева, Саниат Гуларовой, сыновей Сафа – предпринимателя Гамази, капитана Георгия, доктора Владимира и кадета Николая, а также князя Макаева, помещика Туганова, их прислужников, старшины Дриса, с другой стороны.

Е. Уруймагова глубинно исследует, какова природа человеческого характера и как она меняется под влиянием жизненных обстоятельств.

Человек, взятый даже в «чистом виде», т.е. вне контекста его этнонациональной «самости» все же объективно отражает сущность и особенности этой «самости». Поэтому процесс характерообразования в романе невозможен без учета архетипа «самости», выраженного через сложную систему других архетипов, составляющих основу национального характера.

Таким образом, синтез мифологизма и фольклоризма стал базовым принципом характерообразования в романе Е. Уруймаговой «Навстречу жизни», существенно обогатившим жанровую природу и эстетику романа в осетинской литературе.

-
1. Бурляев Н. Судьба России. М.: Современный писатель, 1990. 346 с.
  2. Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М. Литература и мифы // Мифы народов мира. Т.2. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 58-65.
  3. Уруймагова Е. Навстречу жизни. Роман. Кн.1. Орджоникидзе: Ир, 1976. 527 с.
  4. Уруймагова Е. Навстречу жизни. Роман. Кн. 2. Орджоникидзе: Ир, 1976. 455 с.
  5. Суменова З.Н. Езетхан Уруймагова. Жизнь и творчество. Орджоникидзе: Ир, 1982. 296 с.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026,
принята к публикации 16.02.2026,
опубликована 30.03.2026.

Fidarova, Rima Ya. – doctor of philology, professor, chief researcher, department of folklore and literature, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-0996-3896>; rimafidarova@mail.ru

ARTISTIC SYNTHESIS OF MYTHOLOGY AND FOLKLORE AS A BASIC PRINCIPLE OF CHARACTER-DEVELOPMENT IN OSSETIAN LITERATURE IN THE 1940s-1950s. THEORETICAL ASPECT.

Keywords: *Ossetian literature, literary and folklore interaction, mythologism, folklorism, archetypes, characters, hero.*

This article explores the principle of character formation, namely, the artistic synthesis of mythologism and folklorism- the most important structural and substantive trends in the literary and folkloric interactions in Ossetian literature of the 1940s and 1950s. We will analyze the essence of this principle using E. Uruymagova's novel «Towards Life» (1948) as an example. In creating artistic character, the author comprehensively utilizes the «energy» of mythologism and

folklorism, achieving a full disclosure of the essence of the national character in her characters. E. Uruymagova's artistic concept is based on the premise that folklorism is based on folk wisdom, while the essence of mythologism lies in the «collective unconscious» (C. Jung), which shapes folk wisdom, the invaluable spiritual and moral experience of the Ossetians and their distant ancestors. Linked by the logic of cause and effect, mythologism and folklorism «mesh» in the structure of artistic character in E. Uruymagova's novel «Towards Life.» This complex, systemic «fusion» occurs through folk wisdom and its essence — the collective unconscious. The author realizes her concept through archetypes, i.e., archetypal images, ideas, ideals, and behavior patterns of the characters. Folklorism, along with mythologism, played a significant role in the development of the ethnic ideal/anti-ideal of the Ossetians in the novel, also vividly demonstrating its artistic and aesthetic functions in the process of character development. Firstly, it drew on the «energy» and power of folk wisdom and the socio-philosophical, moral, and aesthetic ideals of the Ossetians and their distant ancestors shaped and refined by it over centuries. In general, the author defines the principle of artistic synthesis of mythologism and folklorism as fundamental in the process of character formation. The article addresses a topic of current interest in Ossetian literary studies. The current state of scholarly thought necessitates a more in-depth study of artistic issues. The research's scientific novelty is also evident. For the first time in Ossetian literary studies, the role of literary and folkloric interaction in the process of character formation is explored so thoroughly. The purpose of this article is to explore the essence of this principle and E. Uruymagova's innovation in character formation. The results of this study can be used in further research on character issues and, of course, E. Uruymagova's work.

For citation: Fidarova, R.Ya. Artistic synthesis of mythology and folklore as a basic principle of character-development in ossetian literature in the 1940s-1950s. Theoretical aspect. KAVKAZ-FORUM. 2026, iss. 25(32), pp. 83-94. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.32.25.002

REFERENCES

1. Burlyayev, N. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow, Sovremennyi pisatel', 1990. 346 p.
2. Lotman, Yu.M., Mints, Z.G., Meletinskii, E.M. *Literatura i mify* [Literature and myths]. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moscow, Sovetskaya ehntsiklopediya, 1980, vol. 2, pp. 58-65.
3. Uruimagova, E. *Navstrechu zhizni* [Towards life]. Novel. Ordzhonikidze, Ir, 1976, b. 1. 527 p.
4. Uruimagova, E. *Navstrechu zhizni* [Towards life]. Novel. Ordzhonikidze, Ir, 1976, b. 2. 455 p.
5. Sumenova, Z.N. *Ezetkhan Uruimagova. Zhizn' i tvorchestvo* [Ezetkhan Uruymagova. Life and creativity]. Ordzhonikidze, Ir, 1982. 296 p.

The article was submitted 19.01.2026,
accepted for publication on 16.02.2026,
published 30.03.2026